

Моск. новостр. - 1993. - 30 кг. - с. 58

ТЕАТР

С саблей на полированную мебель

И хотя желающих пропеть театру отходную снова предостаточно, он лишь посмеивается над ними, потому что начинается сезон и одна половина театральной Москвы стремится попасть на Юлию Борисову, играющую Кручинину в театре Вахтангова, а другая половина обсуждает, кто будет Аркадиной в «Чайке» Андрона Михалкова-Кончаловского — Ирина Чурикова или Алла Демидова. И были раскуплены все билеты на гастролировавший в Москве Театр танца под руководством Пины Бауш, как и на очередную премьеру звезды отечественной — в октябре Роман Виктор покажет пьесу Николая Коляды «Рогатка». Так что театр со своим кризисом (если он вообще был) справился, а вот все ли ладно в самой критике и других окнотеатральных структурах — это еще вопрос.

Когда лев дряхлеет, его начинают кусать шакалы. Впервые я подумала об этом давно, когда прочитала рецензию молодого тогда критика, камня на камне не оставившего от спектаклей БДТ, гастролировавшего в Москве. Товстоногов был еще жив, театр его действительно находился не в лучшей творческой форме, но был куда ни кинь все-таки лучшим. Критик настроил проснулся знаменитым. Где теперь он и где Товстоногов — не буквально, естественно, а в нашей памяти, духовном ба-гаже?..

Вчера модно было быть борцом за правое дело, сегодня, когда кто прав и кто виноват разобраться трудно, модно быть литературным Геростратом. Здесь всех переплюнул кинокритик Денис Горелов, автор самого, наверное, скандального за всю историю отечественной печати заголовка — его рецензия на фильм «Окно в Париж» называлась (прости, читатель «МН») «Полет над гнездом какашки». Он же в лучших советских традициях порвал с предшественниками: «Большинство отцов отечественной критики — такая старорежимная сволочь, что разговор с ними короткий». Не знаю, читал ли он столько ленинских статей, сколько приходилось нам на журфаке семидесятых, но стили их усвоил блистательно. Просматривая московскую и петербургскую прессу, убеждаешься, что сегодня можно все: писать «оплывшую Самойлову», называть Евгения Лебедева, играющего Кэбота в «Любви под вязами» О'Нила, «сивым мерином», а о постановке Андрея Гончарова по изысканнейшей пьесе Мроежека «Горбун» выражаться так: «Театр слепил горбатого на свой — общедоступный — лад».

Клану клащающих зубами от непреодолимого желания куснуть кого-нибудь поиздевавшихся противостоят милая компания восторженных дам, с верностью Санчо Пансы отстаивающих истрепавшиеся в боях с ветряными мельницами знамена своих кумиров. Мне лично они гораздо симпатичнее, эти вечные девочки с седыми челками и блокнотами в руках, пряданно глядящие в глаза усталых мэтров на пресс-конференциях. В том, как они стойко обороняют Ефремова от Дорониной, Любимова — от Губенко и состарившись вместе с ними «Современник» — от его же собственных неудачных спектаклей, души и доброды кудь больше, чем в нынешних претендентах на роль первого и вся. Такие критики, может быть, последняя примета на всегда уходящей милой сердцу эпохи, когда театр, конечно, душили, но он показывал спектакли, превзошли которые не удается никому по сию пору.

Сцене многие прочили гибель, от Юрия Айхенвальда до Михаила Ромма, не говоря уже о сонме критиков помельче, чьей любимой темой для рассуждений последние лет двадцать был кризис театра.

А он выжил, выстояв в изнурительной борьбе сначала с политической цензурой и пьесами драмоделов, а после — с не менее жесткими требованиями рынка и новой конъюнктурой в лице порно, садо и гомо.

С тем, что сцена больше не властительница дум, а эстетическая и духовная пища крайне немногочисленной и относительно благополучной части населения, весьма далек от народа с его здоровой любовью к американским боевикам и неудающей Алле Пугачевой, смириться труднее всего критике. Она привыкла творить легенды и разрушать их, карать и миловать, и ей куда интереснее развенчивать Додина или Захарова (столь же истово, как вчера превозносить), чем скрупулезно исследовать небрежную работу таких серьезных мастеров, как Ками Гинкис, Леонид Хейфец, Петр Фоменко и других, что, собственно, и является ее главным делом. Правильно понять свое место в жизни — большое искусство, и если ни один ува-жающий себя критик и не согласится с утверждением писателя Виктора Ерофеева, что «место критики в лакейской», то признать свою неавангардную роль в наши дни ему все-таки придется, если он не хочет выглядеть смешным.

Наконец, критика — это всегда позиция, а определить ее вчера, выбирая между Софоновым и Петрушевской, было куда проще, чем сегодня, когда все растерялись и стараются быть «над схваткой», одновременно оказываясь и «над моралью и цинизмом, вкусом и пошлостью, чувством и его имитацией». Сказать после премьеры именинного Ефремова, модного Виктора или известного узкому кругу ценителей Клименко: «Ба! Король-то голый» — одинаково трудно, потому что первый — легенда, второй — талант, а третий — бедный и работает в подвале, и эти привходящие обстоятельства, которые на Западе никогда не принимаются во внимание, над нашим сознанием будут тяготеть еще долго. И даже над сознанием совсем юных, готовых расправиться с прошлым, как розовский Олег, кидавшийся с дедовской саблей на полированную мебель.

Еще более болезненно, чем критики, пережили наступление новой исторической реальности творческие союзы (собственно говоря, многие вообще не пережили, приказав долго жить). Десятилетиями выполнявшая роль буфера между партиями, государством и творческими работниками, они не смогли столь же успешно выступить посредниками между теми же работниками и изменившимися условиями жизни, когда престижные вчера профессии перестали приносить доход и поставили их обладателей на грани нищеты. В этом смысле Союз театральных деятелей России, наследующий традиции благотворительного по преимуществу театрального общества, основанного аж в 1883 году по инициативе

Марии Гавриловны Савиной, преуспел больше других: он единственный сегодня реально помогает своим собратьям и с путевками, и с пенсиями. Яростнее всех нападают на Ульянова как раз те, кто психологически еще не осознал новую роль СТД как своеобразного профсоюза, поддерживающего своих членов в социальном плане и защищающего их творческие интересы, и по-прежнему думает, что это некая высшая руководящая инстанция с большими полномочиями. Увы, в годы перестройки был доеден последний кусочек некогда пышного пирога обласканного официальной властью богатого творческого союза, так что сейчас Ульянову не позавидуешь: он считает копейки. И тем не менее союз во времена тотального хаоса и распада сохранил, не дал ему распасться на отдельные маленькие союзки, и с Божьей и Теафонда помощью даже проводит театральные фестивали, не стоя с протянутой рукой перед разорившимися государством, которому, как всегда, не до культуры.

Одной из новых важных ролей СТД могло бы стать создание Фонда помощи театральной молодежи, что сегодня нуждается в поддержке еще больше, чем те актерские вдовы конца прошлого века, коим театральное общество и собирало деньги. Театр как может приоравливается к рынку: главрежи сдают часть своих зданий в аренду, актеры сбиваются в артели и находят спонсоров. Как грибы после дождя растут театральные агентства, готовые на все ради звезд. Молодые же не нужны никому. Творческие мастерские при СТД в обстановке всеобщего равнодушия просто умерли и кто знает, сколько будущих Эфросов и Высоцких меняет сегодня профессию, не желая жить впроголодь. Даже знаменитый курс Фоменко, показывающий спектакли по всему миру, до сих пор не получил обещанного здания. Возможно, банки, СП и прочие ворочающие миллионами структуры охотнее вложили бы средства в официальный фонд, нежели в бредовые на первый взгляд проекты современных Треплевых.

Сезон меж тем начинается и будет проходить совершенно независимо от воли театральных журналистов и работников СТД. Все, например, очень хотят, чтобы театры ставили современную драматургию, открыли нового Вампилова, а сезон снова обещает быть чеховским: три «Чайки» — Марк Захаров, Сергей Соловьев и Андрон Михалков-Кончаловский, «Леший» у Сергея Женовача, «Иванов» у Геты Яновской. И я знаю почему — лучше всего об этом сказано в замечательной статье Фридриха Горенштейна «Мой Чехов»: «Чехов искал в жизни до предела, до мелочей реальной правды, правды, которая была бы осозаемой, как скучный подмосковный дождь осеню, от которого никак не денешься в этой жизни, он искал не путей к конечной великой победе, теряющейся в туманной дали, а ежедневных бытовых великих побед, которые удается одержать человеку в повседневной жизни». «Умел нести свой крест и веруй», «небо в алмазах» — это только звучит красиво, а на самом деле означает, что обыкновенный, как мы с вами, человек в данный конкретный момент преодолел разочарование и усталость, оставшись человеком. Так мало и так труднодостижимо.

Нина АГИШЕВА

Рубрику ведет Игорь ЗАХАРОВ

Хорошие книги резко подорожали

Всего несколько месяцев назад я писал в этой рубрике, что «нормальная» цена хорошей книги в твердом переплете (то есть не однодневки с духовной и потребительской точки зрения) — по рублю за страницу.

Еще в мае редкая «текстовая» книга (то есть не подарочная, не альбом и не детская с цветными иллюстрациями) стоила — даже у особо нахальных уличных торговцев — более тысячи рублей.

Мои предсказания, что эти цены удержанятся не очень долго, оправдались значительно быстрее, чем я бы хотел: уже в сентябре приходится выкладывать гораздо большую сумму — как в книжных магазинах, так и уличным сидельцам.

Экономные и предпримчивые книжники знают, что выгоднее всего покупать книги у мелких оптовиков, которые съезжаются с утра по уик-эндам в спорткомплекс «Олимпийский»: цены там на 30 — 50 процентов ниже, чем на уличных лотках. Известно и то, что все большее число книг — причем отнюдь не только

«развлекательных» — вообще не доходит до книжных магазинов. Так что «Олимпийский» становится все более незаменимым для всякого, регулярно покупающего книжные новинки.

Ниже следует выборочный список цен на «приличную» литературу, по которым она реализовывалась в «Олимпийском» в середине сентября.

Хорхе Борхес. «Коллекция» (СПб., «Северо-Запад») — 1000 руб.

Хулио Кортасар. Собр. соч. в 3 тт., то же издательство — 3500 руб.

Оскар Уайльд. Избранное в 2 тт., («Республика») — 1300 руб.

Марк Алданов. Собр. соч. в 6 тт. («Правда» — «Огонек») — 3000 руб.

Владимир Набоков. «Bend Sinister» (СПб., «Северо-Запад») — 1400 руб.

«Волшебная полочка сказок», т. 7 (Баку, «Олимп») — 2500 руб.

Уолт Дисней. «Золушка» («Эгмонт Россия») — 1800 руб.

Николай Носов. «Приключения Незнайки» («Дом») — 1200 руб.

Григорий Остер. «Задачник» («Росмэн») — 1500 руб.

Корней Чуковский. Сказки («Московский клуб») — 1600 руб.

Геродот. «История» («Ладомир») — 3500 руб.

Кастарадзе. Три разные книги (Киев, «София») — по 3000 руб.

Освальд Шпенглер. «Закат Европы» («Мысли») — 1500 руб.

«Англо-русский словарь» Мюллера («Русский язык») — 3500 руб.

Н.А.Бонк. «Учебник английского языка» в 2 тт. (Минск, «Высш. школа») — 1500 руб.

А.Б.Жук. «Справочник по стрелковому оружию» («Воениздат») — 1900 руб.

Ожегов и Шведова. «Толковый словарь рус.яз.» («Az Ltd») — 10000 руб.

Рылов и Соболин. «Монеты России и СССР» («Пруф») — 2500 руб.

«Современный словарь иностранных слов» («Рус.язык») — 1100 руб.

И.Андреев. «Боевые самолеты» («Книги и бизнес») — 1800 руб.

«Основные боевые танки» («Арсенал-Пресс») — 2500 руб.

«Бухгалтерский учет и налоги» («Аудит-Аин») — 3000 руб.

Макконелл и Брю. «Экономикс» в 2 тт. («Республика») — 5000 руб.

Брам. «Жизнь животных» в 3 тт. («Терра») — 2600 руб.

Палмер. «Ваша собака» (пиратская перепечатка бакинского «Олимпа» с издания московского «Мира») — 4500 руб.

«Книга о вкусной и здоровой пище» («Агропромиздат») — 2500 руб.

«Краткая энциклопедия домашнего хозяйства» («Сов.энциклопедия») — 4500 руб.

Молоховец. «Подарок молодым хозяйствам» («Россич») — 4500 руб.

А.Ю.Барановский. «Новый лечебник» (СПб., «Наука») — 4200 руб.

«Лекарственные препараты...» («Астрафармсервис») — 5500 руб.

«Популярная медиц.энциклопедия» («Ташкент, «Узбек.сов.энц.») — 4000 руб.

Айвазовский. Живопись. Альбом («Сов.художник») — 5500 руб.

«Древнерусская живопись в собр. Эрмитажа» («Искусство») — 12000 руб.

«Псковская икона XIII — XVI вв.» («Аврора») — 7000 руб.

«Тверская икона» («Аврора») — 6000 руб.

ПЕРИОДИКА

Невеселье Gay-славяне

Как бы предвидя отмену уголовного наказания за гомосексуализм, группа энтузиастов в Петербурге выпустила первый номер литературно-художественного и культурологического журнала «Gay, славяне!» (главный редактор Ольга Жук). Несмотря на «игриво-каламбурное название, журнал производит впечатление скорее мрачное. И дело не в одних лишь воспоминаниях Хайнца Хегера «Люди с розовым треугольником», в которых едва ли не впервые описано пребывание гомосексуалиста в фашистском концлагере (в данном случае

— Заксенхаузене), где, по доктрине нацистов, только и могли находиться эти извращенцы. Тюремные стихи Геннадия Трифонова, аккомпанирующие концлагерным мемуарам, подкрепляют образ российского гомосексуализма как сферы напряженной общественной деятельности, целиком направленной на борьбу за социальные права. Между тем как философия однополой любви покончилась на ИГРЕ как «сверхцели» и инструмент преодоления биологической детерминированности.

Об этой игровой стихии в журнале напоминает только статья Ольги Жук «Лесбийская субкультура» и «экзотический» рассказ немецкого писателя Юргена Лемке «Свадьба по-датски».

Обращают внимание две перепечатки из американского журнала «High Fidelity», посвященные обстоятельствам смерти Чайковского (версия о самоубийстве и ее убедительное опровержение), и стихотворение Хулио Кортасара

«В аргентинском стиле». «Письмо к Амазонке» Цветаевой открытием назвать нельзя (оно публиковалось неофициально), что же касается своеобразного комментария к нему — статьи Ольги Жук «Письмо к М.Цветаевой», оно слишком уступает тому, которое послужило для него поводом.

От «Gay, славяне!» уместно ждать статей, анализирующих опыты художественного претворения соответствующего психосексуализма, и интересных публикаций: